

Марк Крамер¹
Гарвардский университет

Михаил Горбачёв и истоки перестройки: взгляд в прошлое

Михаил Сергеевич Горбачёв руководил Советским Союзом менее семи лет, но за это время как во внутренней, так и во внешней политике страны произошли кардинальные перемены, кульминацией которых стало завершение холодной войны и распад СССР. Возглавив страну в марте 1985 года, Горбачёв был полон решимости укрепить Советский Союз и Организацию стран Варшавского договора, однако в итоге стал руководителем их распада.

Статья М. С. Горбачёва, которому в марте 2021 года исполнилось 90 лет, даёт объяснение той политической линии, которой он придерживался, находясь на посту Генерального секретаря ЦК КПСС с 11 марта 1985 года по 14 августа 1991 года и на посту президента СССР с 15 марта 1990 года по 25 декабря 1991 года. Хотя эти темы и были уже подробно рассмотрены в мемуарах и бесчисленных интервью, данных за прошедшие годы, новая статья Горбачёва представляет собой важную переоценку причин того, почему Михаил Сергеевич предпринимал именно такие шаги и чего он пытался ими добиться. За прошедшие десятилетия он изменил свое мнение по многим вопросам, и данная статья углубляет и обогащает наше понимание причин распада СССР.

Стоит отметить несколько пунктов. Во-первых, в своей статье Горбачёв утверждает (как он уже говорил много раз до этого), что на момент его прихода к власти Советский Союз был в критическом состоянии и поэтому требовались радикальные реформы. Он настаивает, что «надо было решаться. В руководстве страны, в политбюро на этот счёт царило полное

¹ Марк Крамер (Гарвардский университет) — руководитель программы по изучению холодной войны, старший сотрудник Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса, руководитель Сахаровского семинара по правам человека.

единодушие». Нет сомнений, что мысли о необходимости экономических реформ возникали у многих советских высокопоставленных политиков, но мнения по поводу того, как эти реформы следует проводить, были куда более рассогласованы друг с другом, чем утверждает Горбачёв. Он и сам признает это, говоря, в частности, об экономической политике, где он с самого начала столкнулся с упорным сопротивлением. Сам тот факт, что вскоре после прихода к власти Горбачёв провел серьезные кадровые перестановки в руководящих органах КПСС, говорит о том, что он прекрасно осознавал, что в 1985 году единодушие в рядах советского руководства не было «полным», хотя и утверждает обратное.

Во-вторых, Горбачёв подчеркивает, насколько сильное давление на него весной и летом 1991 года оказывали, с одной стороны, члены реакционной, консервативной оппозиции, а с другой — сепаратисты и сторонники радикальных реформ. Он кратко рассказывает о двух серьезных проблемах, с которыми благодаря консерваторам пришлось столкнуться в течение нескольких месяцев, предшествовавших попытке августовского путча 1991 года. Вторая из этих проблем, так называемый «конституционный переворот» в июне 1991 года, почти сразу же получила огласку, и на протяжении многих лет разные люди описывают ее в своих мемуарах. О первой же проблеме, возникшей в апреле 1991 года, известно намного меньше. Горбачёв утверждает, что в конце апреля 1991 года на пленуме ЦК КПСС группа консерваторов потребовала, чтобы он либо ввел в стране чрезвычайное положение, либо подал в отставку. Горбачёв рассказывает: в ответ на требование он написал заявление об отставке и покинув зал заседаний. Не всем в ЦК такой исход пришелся по нраву, и подавляющее большинство проголосовало за то, чтобы Горбачёв оставался руководителем КПСС. Тогда он отозвал свое заявление об отставке и остался на посту Генерального секретаря, но сейчас считает, что поступил неверно.

В-третьих, Горбачёв проливает свет на то, что побудило заговорщиков устроить в августе 1991 года неудавшуюся попытку государственного

переворота. Сами заговорщики — В.А. Крючков, А.И. Лукьянов, В.С. Павлов, Г.И. Янаев, Д.Т. Язов и В.И. Варенников — и в августе 1991 года, и в своих воспоминаниях, написанных позднее, заявляли, что 19 августа 1991 года ввели чрезвычайное положение якобы из опасений, что назначенное на день позже подписание Союзного договора приведёт к распаду страны. Горбачёв же утверждает, что оправдания заговорщиков — не более чем ширма. По его словам, сильнее всего ими двигал страх за собственную политическую карьеру. Согласно Горбачёву, в результате переговоров с главами союзных республик весной и летом 1991 года было решено, что «...в новом руководстве, которое будет сформировано после подписания договора Павлову, председателю КГБ Владимиру Крючкову, министру обороны Дмитрию Язову, председателю Верховного Совета Лукьянову будет уже не место». О предстоящей смене руководства заговорщикам, предположительно, стало известно либо от одного из глав союзных республик, либо от Крюčkова, который, в свою очередь, узнал об этих планах из подслушанных бесед и записей телефонных разговоров, хранившихся в КГБ, — вне зависимости от того, откуда именно путчисты узнали об этом, Горбачёв имеет все основания выделить этот фактор. Хотя обе этих движущих силы сыграли определенную роль в данной попытке государственного переворота (и относительную значимость каждой из них определить трудно), личные интересы, несомненно, двигали заговорщиками куда больше, чем они утверждают.

В-четвёртых, Горбачёв говорит: «Если бы начинать сначала, то многое я сделал бы иначе». Он жалеет о том, что не занялся реформированием экономики более смело, не приступил к перестройке многонационального советского государства намного раньше и слишком поздно осознал, что КПСС оказалась «неспособной реформировать себя и участвовать в реформировании страны». С годами Горбачёв стал более охотно признавать свои главные ошибки и, похоже, стал гораздо лучше понимать национальные

вопросы и проблемы, вызванные жесткими репрессиями национальных меньшинств, проводимыми в прошлом руководством СССР.

Однако что касается вопросов экономики, Горбачёв все ещё не осознаёт, насколько грубые ошибки он совершил. Например, он мог бы намного раньше получить широкую общественную поддержку, если бы создал возможности для деятельности мелких частных предпринимателей. Вместо этого он сделал всё с точностью до наоборот: весной 1986 года Политбюро под руководством Горбачёва приняло резолюцию «О мерах борьбы с нетрудовыми доходами», которая запрещала ведение любой частной экономической деятельности, даже самой безобидной, такой как продажа на рынках фруктов, овощей и цветов, выращенных на приусадебных участках. В своей статье Горбачёв ни слова не упоминает о малом частном предпринимательстве и том, какую выгоду оно могло бы принести для проведения более смелых экономических реформ.

Точно так же Горбачёв не упоминает и о сельском хозяйстве. Вероятнее всего, он мог бы добиться значительных успехов, если бы в сжатые сроки провёл масштабные сельскохозяйственные реформы, отдав землю в руки самих аграриев и упразднив изжившие себя колхозы. Лидер КНР Дэн Сяопин в конце 1970-х и в 1980-х годах, применив подобный подход, добился больших успехов — он распустил «народные коммуны» и перевел крестьянство на семейный подряд. Конечно, Горбачёв не мог провести подобные реформы в СССР, где численность городского населения была намного больше, а численность людей, работающих в сельскохозяйственной отрасли, — намного меньше. Однако же удивление вызывает тот факт, что Горбачёв сделал очень мало для улучшения ситуации в крайне убыточном сельскохозяйственном секторе, который он курировал, занимая пост секретаря ЦК КПСС в последние годы пребывания у власти Л.И. Брежнева. Несомненно, начни Горбачёв проводить приватизацию в действительности, он столкнулся бы с жестким противостоянием внутри КПСС, которая в середине 1980-х годов в СССР обладала куда большим

влиянием, чем в конце 1970-х годов КПК в Китае после проведения чисток и политической нестабильности времен «культурной революции» Мао Цзэдуна. Задача, которая могла бы встать перед Горбачёвым, была бы сложнейшей, но, очевидно, что, несмотря на перспективу быстрого увеличения запасов продовольствия и возможность заручиться общественной поддержкой при проведении других реформ, он даже не рассматривал возможность применения политики Дэн Сяопина.

В-пятых, Горбачёв никак не комментирует, какое отношение к нему россияне демонстрируют на протяжении последних тридцати лет. Проведенные «Левада-Центром» и другими организациями социологические опросы показывают, что лишь малая часть россиян относится к Горбачёву положительно. Учитывая то, насколько предвзято российское правительство при Владимире Путине излагает советскую историю для школьников, образ Горбачёва в России может ещё долго оставаться негативным. Тем не менее, есть вероятность, что в будущем россияне будут оценивать личность Горбачёва более объективно. За то время, которое он руководил страной, были как колоссальные достижения, так и огромные неудачи, а значит, было бы неверно оценивать его деятельность, сосредоточившись исключительно либо на тех, либо на других. В своей статье Горбачёв пишет о своей программе перестройки и гласности следующее: «Это было законотворчество, сравнимое по своему значению с такой вехой в истории России, как реформы Александра II во второй половине XIX века». Реформы Александра II, безусловно, были важны, но Горбачёв себя недооценивает. Изменения, которые он осуществил в Советском Союзе, имели гораздо большее значение как внутри страны, так и на международном уровне. Горбачёв внёс значительный вклад в прекращение холодной войны, он принес в Россию свободу и демократизацию, дав стране шанс стать подлинно демократической державой. Впоследствии эта возможность была упущена, но достижения Горбачёва позволяют надеяться, что, несмотря на все его

недостатки и промахи, в России когда-нибудь о нем будут вспоминать скорее с благодарностью и восхищением, чем с неприязнью.

